УДК 7.031

И.З. Зубец
Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Л.Н. Дорогова

ПРЕДМЕТЫ НАРОДНОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Статья посвящена христианской семантике предметов народного искусства – бытовой крестьянской утвари. Рассматриваются символические функции таких предметов, как: прялка, колыбель, детский стульчик, хлебница, солонка, пряничные доски.

Прялка, колыбель, бытовая утварь, народное искусство, христианские представления, традиционная культура.

The article is devoted to the semantics of the subjects of folk art: household peasant utensils. The symbolic functions of such subjects as spinning wheel, cradle, children's high chair, breadbox, saltcellar, cake boards are considered in the article.

Spinning wheel, cradle, household utensils, folk art, the Christian views, traditional culture.

Изделия народных мастеров в традиционной культуре, как известно, выполняли не только эстетические, но, в первую очередь, утилитарные и обрядовые функции. Кроме того, окружающие человека предметы, являясь неделимой частью культуры, содержали, хранили и передавали важную для коллектива информацию – они заключали в себе богатую семантику.

Семантика, в зависимости от исследовательского подхода, может интерпретироваться как языческая или как христианская. Возможность «прочтения» в двух противоположных кодах обусловлена спецификой народных религиозных представлений. Их суть в наличии разнородных пластов, одни из которых связаны с древними традиционными мифологическими представлениями, другие – пришли с принятием христианства на Руси. С точки зрения носителей самой культуры, воспринимать первые как языческие было бы ошибочно, так как они входили в единый комплекс народных воззрений и интерпретировались народом как православные и не противопоставлялись им.

Само усвоение, осмысление христианской догматики и культа, всего богослужения первоначально протекало преимущественно на языке наиболее близкому сознанию русского народа – на языке художественной образности, обусловившей характер восприятия окружающего мира. Для христианина мир духовный, высшие сакральные ценности всегда символически присутствуют в бытовой повседневности. Эта соотнесенность с высшими, горними смыслами проявляется в том, что у окружающих человека в быту, «земных» предметов подразумевались первообразы – предметы «небесные», культовые.

Так, самым важным символическим прототипом становится храм. Деревянный храм, как известно, является прообразом рубленой избы, только возвышающейся в отличие от нее над землей на подклете. Связь внутренняя между двумя видами строений прослеживается уже на лингвистическом уровне – хоромы – храм, хоромина – храмина. При этом наиболее важным локусом в избе является красный угол, где помещается стол.

Здесь отправлялись все домашние священнодействия – семейные и календарные обряды. Красный угол – соотносился с алтарем в храме. Семантическая параллель между ними просматривается в сопоставимости строительной традиции: установки на месте будущего престола в строящейся церкви водружального креста и в будущем красном углу избы – молодого деревца или сделанного плотниками креста [1, с. 206 – 207]. Кроме того, стол, находящийся в красном углу, уподобляется церковному престолу в алтаре. Он становится тем местом, рядом с которым обычно находятся наиболее священные предметы избы – образа.

Символическое осмысление стола в народной культуре обладало широкой парадигмой – он в контексте ритуала обеспечивал достаток и благополучие в доме, с ним связывались многочисленные правила и запреты. На Руси также считалось, что на столе, как на алтарном престоле, полагается хлеб, поэтому говорили: «Стол – ладонь Богородицы, подающей нам хлеб». Он притягивал к себе такие предметы, в семантике которых можно проследить связь с христианскими представлениями. Это, в первую очередь, хлебница и солонка. Данное мнение тонко отражает русская пословица: «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска, так и стол доска» [4, с. 255].

Значимость хлеба с принятием христианства повышается за счет внесения новых смыслов: его начинают считать «Божьей благодатью» и жертвенной пищей [2, с. 276], ассоциирующейся с телом Спасителя, и его важность определяется тем, что он воспринимается как символ причастия. В русле христианских традиций воспринимается и вся утварь, связанная с выпечкой вообще, и, в первую очередь, –

хлебницы. Они всегда среди других предметов выделяются своим оформлением – довольно распространенным элементом их украшения становится изображение рыбы. Нужно полагать, что оно на этом предмете не случайно, а обусловлено синонимической связью между хлебами и рыбой, которые объединились в известном евангельском событии – насыщении народа пятью хлебами и двумя рыбами. Хлеба и рыбы выступают символами одного и того же таинства – причащения. Хлебницы, занимая в доме после икон наиболее почетное место, могут содержать нравоучительные надписи: «Работай – сыт будешь, молись – спасешься, терпи – взмилуется», «Без терпенья нет спасенья», «Кто Бога почитает, тот Божий дар сохраняет, кому церковь не мать, тому Бог не отец».

Как и хлебница, вместилищем продукта, имеющего богатую христианскую семантику, являлась солонка. Поскольку известны глубокие символические связи соли с библейскими ритуалами, заветами, образ солонки в народной культуре освящался наличием этих смыслов. Священное писание наделяет соль очистительными свойствами, она становится символом прочности и верности, олицетворяет и христианина, который способен влиять на других. «Вы – соль земли, – говорит в Евангелии Господь своим ученикам и последователям. – Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» [Мф. 5, 13]. Соль, по христианским, хорошо известным народу представлениям, являлась символом духовной истины: «Если душа не имеет в себе истины Христовой – она становится несоленой, пресной; оземленяется, гниет и заодно с телом превращается в навоз» [7, с. 3 – 5].

Характерным элементом резьбы на солонках является крест, однако известны и сюжетные изображения: Святого Георгия на коне, «Тайной вечери». Появление на солонке известного евангельского мотива может объясняться как ее причастностью к трапезе – ритуалу столования, так и тем, что она становится характерной для русской иконографии. В ней было принято изображать Иуду, протягивающего к солонке руку.

Христианские сюжеты на предметах народного искусства появляются потому, что их органического участия в быту требует сама среда, в которой создаются эти вещи, составляющие неотъемлемую часть русской культуры. Именно среда ревностно хранит художественные традиции, понятия о нравственности, чистоте, религиозности.

Замечено, что большая часть декорированных изделий народных мастеров сосредотачивалась именно в пространстве красного угла. Здесь среди хлебниц и солонок выделяются также пряничные доски, многие из которых могут содержать изображение христианских символов: древа, креста, а также и другая кухонная утварь. Она, с одной стороны, могла участвовать в магических обрядах, народной медицине и гаданиях. С другой – появлялось то христианское свойство посуды, которое во многом определяло символическое значение. Посуда могла являться вместилищем чего-либо подобно человеческому телу (вместилищу души).

В ритуалах, связанных с кухонной утварью, сосудами, наглядно проявляется важное для православного человека стремление к жизни вечной, к очищению души от грехов. Так, в Ярославской губернии в головы умирающего ставили какой-либо сосуд с чистой водой, чтобы, по народным представлениям, душа в них, выйдя из тела, могла бы омыться от грехов [3, с. 3].

Символика посуды обуславливалась и ее причастностью к трапезе. Для народа-христианина с ней связан первородный грех, из-за которого человек, созданный по образу и подобию Бога, лишился благодати и потерял права на исключительные условия жизни, права царя всего сотворенного и, как следствие, должен был услышать: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» [Быт 3, 19]. Трапеза начинает соотноситься с библейскими образами, обязательно предваряется и завершается чтением молитв, ассоциируется с трапезой Господней.

В семантическую ткань трапезы, как и любой другой вид посуды, была вплетена ложка, в символике которой также наблюдаются и мифологические, и христианские пласты. Она использовалась в храме в обряде венчания. В окрестностях Ростова, например, ее клали под подножье брачующимся в тех ситуациях, если кто-то из молодых болен. В этом случае он, обходя аналой, старался наступить и раздавить ложку, чтобы, как считалось «не завенчать болезни». Несмотря на то, что таким бытовым предметам народной культуры как ложка могла приписываться магическая сила оберега, благопожелания, – нравственное отношение к этому было – христианское. В народе, например, бытовало мнение, что ложки, сделанные в монастыре, священны и поэтому ими очень полезно есть [6, с. 316].

Считалось, что любое благо имеет Божественный источник: Вся благодать от Бога есть [Цит. по: 8, с. 358], поэтому характерной надписью для ложек могла становиться следующая: Христе Боже благослови ястіе и питіе рабомъ твоимъ. Наиболее типичными украшениями, которые «наводили» на ложках в Ярославской губернии, были цветы, птички, колокольни.

Христианскую символику обычно содержали такие предметы народного быта, которые являлись наиболее важными, имели связь с обрядами или участвовали в формировании среды. К ним относятся: прялка и колыбель, обладающая в народной культуре высоким семантическим статусом. Этот статус предопределял многочисленные предписания и запреты по поводу ее использования, свидетельствующие о ее значимости как объекта, отражающего христианские представления. Так, первое укладывание ребенка в колыбель было сопряжено с рядом условий: постель обычно окуривали ладаном, а младенца помещали лишь после крещения. До крещения новорожденного держали в корзине, лукошке, корыте, подложив под него в память о христовой колыбели солому, которая потом обязательно будет находиться и в кроватке. Ребенка клали в нее благословясь, в ином случае, говорили, «нечистый» того может подменить.

Поскольку колыбель считалась местом освященным воспоминаниями о младенце Христе, которому старались уподобить дитя, класть в колыбель посторонние предметы, вещи запрещалось; ее хранили, дарили, но никогда не выбрасывали. Сакральность этого предмета находит отражение в молитвах и заговорах, сопровождавших весь процесс рождения и затем крещения, на ней часто изображали важнейший христианский символ – крест. Вместе с тем, во всех славянских традициях было принято украшать колыбель росписью, резьбой, раскрывающей важнейшую для жизни коллектива и освящаемую с христианских позиций тему труда. На колыбелях могли также помещаться молитвы, надписи, имеющие сакральное значение: «Сия колыбель младенца малого качать для усыпания и для просыпания и чтобы он росъ и добрелъ и на ум учился закону Божию родителей почитать».

Кроме колыбели в народном быту был и такой предмет, отражающий христианские представления, как детский стульчик. Стул вообще – довольно редкий предмет в крестьянской среде, он уподоблялся трону, соотносившемуся с престолом, на котором могут сидеть как земные цари, так и Небесный царь. Детский стульчик использовался в процессе обучения стоянию, носившему ритуализированный характер: умение стоять, ходить считалось необходимым качеством человека. Устанавливалась синонимическая связь между словами «стоять» и «жить»: полагали, если дети «не стоят (не живут, умирают), так выбивают косяки» [4, с. 480]. Эти представления объясняются тем, что, согласно Святому писанию, человек был сотворен по образу и подобию Божьему: соотносится с Господом не только душа, но и тело человека. По народным представлениям, осуществлению этого уподобления и способствовал детский стульчик, редкой разновидностью которого являлся выполненный в виде небольшого креслица с колесиками. Он, подобно колыбели, красочно декорировался сюжетными росписями, являющимися своеобразной «программой», по которой ребенку предстояло подрастать и взрослеть.

Наиболее последовательно христианская семантика выражена в таком бытовом предмете как прялка. Это связано с тем, что она упоминается в библейских легендах как орудие добродетельной жены. По народным убеждениям, прялка, воспринималась как божий дар: верили, что когда Бог сотворил людей, он дал Адаму в руки заступ и плуг, а Еве – прялку и веретено, чтобы они жили в раю и работали [5, с. 97]. Кроме того, полагали, что прялка – атрибут Богородицы, и поэтому часто воспроизводилась на иконах в сюжете Благовещения, где Богоматерь представлена в символический момент прядения пурпура – сотворения плоти Спасителя: «и все женщины, мудрые сердцем, пряли своими руками и приносили пряжу голубого, пурпурового и червленого цвета…» [Исх. 35:25]. Типичным мотивом декора прялки является изображение креста, Древа жизни.

Другой предмет, в семантике которого обнаруживаются христианские представления, – это шкаф, предмет мебели, на дверцах которого в народной среде могли помещаться жанровые сцены. Именно их тематика – иллюстрации евангельских притч, использовавшихся традиционно для росписи врат жертвенника иконостаса и обнаруживает христианскую символику, единую для храмовой и народной культуры. Она на материалах притчевых росписей на дверях иконостаса была сформулирована исследователем древнерусской живописи И.А. Шалиной: «Дверь как евангельский образ входа в Царствие Небесное и притча – как «завеса его тайны» образуют единый символический вход…, приглашая слушающих войти в приоткрывшуюся пред ними дверь уразумения и познания. <…> Духовным смыслом двери становятся смирение, соблюдение божественных установлений и заповедей. <…> Помещаемые на ней изображения являют модели христианского поведения, помогая вновь достичь врат небесных и демонстрируя те заповеди и поучения, которые служили залогом обретения Царствия Божия» [9, с. 273 – 274].

В то же время, в трактовке самих изображений на дверце шкафа («Притча о человеческой душе и теле, или притча о слепце и хромце») по сравнению с иконографическими образцами заметны различия. Так, притча повествует о слепце (аллегории души) и хромце (теле), договорившихся расхитить виноградник – символ благоустроенного человеческого бытия, ограждаемый твердыми нравственными заповедями, который и обязаны были стеречь. За свой проступок они несут суровое наказание в аду. В народной иллюстрации нет развернутой аллегории: в верхней части помещена сцена «испытания» слепца хозяином в саду, в нижней – изгнания слепца и хромца за ворота сада-виноградника. Здесь отсутствует ряд книжных эпизодов: момент преступления (воровство), наказание (избиение) и изображение ада. Напротив, значительную площадь занимает представление Царствия Небесного, маркерами которого становятся дивные цветы, красные и лазоревые, являющиеся в духовных стихах атрибутами рая. В бытовой росписи на христианский сюжет просматривается свойственная народной культуре его переработка: сохраняются те эпизоды, которые находят параллели в жизни, драматизм конфликта смягчается.

Опираясь на вышеизложенное, можно констатировать: синкретическая основа народной художественной культуры обусловливала специфическое мироощущение, в котором смешаны архаические реплики и православие, материальное и духовное, план земной и сверхъестественный. Символизм художественного языка христианского искусства, оказываясь достаточно близким особенностям народного мировосприятия, легко продуцировался в творчестве, в народной культуре.

Литература

1. *Байбурин, А.К.* К описанию структуры славянского строительного ритуала / А.К. Байбурин // Текст: семантика и структура: сб. статей / отв. ред. Т.В. Цивьян. – М., 1983. – С. 206 – 207.

2. *Байбурин, А.К.* Послесловие. Николай Федорович Сумцов и его работа в области обрядовой символики / А.К.

Байбурин, В.З. Фрадкин // Сумцов Н.Ф. – М., 1996. – С. 276.

3. *Балов, А.* Народные суеверия и предрассудки в Пошехонском уезде / А. Балов // Ярославские губернские ведомости. – 1888. – № 43.

4. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 1984.

5. *Левкиевская, Е.Е.* Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – М., 2000.

6. *Немирович-Данченко, В.И.* Соловки: Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами / В.И. Немирович-Данченко. – СПб. [б.и.], 1875.

7. *Охридский, Н.* Символы / Н. Охридский // Къ свету: религиозный журнал. – 1995. – № 17. – С. 3 – 5.

8. *Плешакова, В.В.* Традиционные русские благопожелания как аксиологические высказывания / В.В. Плешакова // Россия и славянский мир: сб. научн. трудов / отв. ред. В.А. Викторович, А.Б. Мазуров. – М., 2008. – С. 358.

9. *Шалина, И.А.* Врата с «притчами» как символический вход в Дом премудрости / И.А. Шалина // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI в. / отв. ред. А.Л. Баталов. – СПб., 2003.